

и наконецъ, не прежде сентября 1784 г., выпустила въ свѣтъ послѣднюю, XVI-ю книжку *Совебѣдника* съ неконченной статьею Козодавлева о причинахъ возвышенія и упадка этого журнала. Въ этой книжкѣ разсказаны только причины его возвышенія; *Совебѣдникъ* умеръ, не успѣвъ даже досказать своей автобіографіи. Да и какъ объяснилъ бы Козодавлевъ передъ публикой разладъ въ средѣ редакціи, бывшій виною гибели изданія? какъ прошель бы онъ невредимо между Сциллою и Харибдой?

6. ДАЛЬНѢЙШЕЕ УЧАСТІЕ ДЕРЖАВИНА ВЪ СОВЕБЪДНИКѢ.

Въ *Совебѣдникѣ* напечатано шестнадцать пьесъ Державина, но изъ нихъ только пять совершенно новыхъ (если не считать еще трехъ мелочей): остальные явились уже прежде въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*. Перепечатка ихъ служить доказательствомъ, что онѣ до тѣхъ поръ были извѣстны немногимъ. Теперь только онѣ обратили на Державина общее вниманіе; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: *Къ сосѣду моему Г.*, *На смерть кн. Мещерскаго*, *На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока*, *Ключъ*, принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ и въ послѣдствіи самыхъ знаменитыхъ его произведеній. Новыя его оды были: *Фелица*, *Благодарность Фелицѣ*, *Рѣшесмыслу*, *На присоединеніе Крыма* и ода *Богъ*. Изъ нихъ первая и послѣдняя наиболѣе утвердили его славу.

Фелица разомъ поставила его такъ высоко въ мнѣніи двора и публики, что уже во II-ой книжкѣ *Совебѣдника* Любословъ, критикуя нѣкоторыя его выраженія, замѣтилъ: «Впрочемъ соблюдаю глубокое почтеніе къ прекраснымъ сочиненіямъ сего знаменитаго стихотворца»¹. Въ III-й книжкѣ, въ письмѣ къ издателямъ («Искреннее сожалѣніе объ участи гг. издателей *Совебѣдника*»), между прочимъ говорится: «Продолжайте ободрять искусное и пріятное перо арабскаго переводчика» (намекъ на слова въ заглавіи *Фелицы*). Съ этой же книжки начинается появленіе стиховъ съ похвалами Державину; при чемъ впрочемъ

¹ *Совебѣдн.* II, 109.

слѣдуетъ замѣтить, что стихотворцы большею частью пользовались только его именемъ, чтобы хвалить самую Фелицу, т. е. не оду, а предметъ ея. Тутъ напечатанъ посвященный ему плохой сонетъ какого-то В. Жукова. Въ сентябрьской книжкѣ Марья Вас. Сушкова (сестра Храповицкихъ) помѣстила, за подписью М. С., «Посланіе китаецъ къ татарскому мурзѣ», въ стихахъ же. Ноябрьская книжка открывается посланіемъ Козодавлева (О. К.) «Къ татарскому мурзѣ», гдѣ въ шуточномъ тонѣ стихотворецъ упрекаетъ Державина за то, что онъ пересталъ пѣть Фелицу:

«Тотъ ангелъ во плоти, котораго ты пѣлъ,
Ужъ множество еще надѣлалъ добрыхъ дѣлъ
Для пользы своего любимаго народа»...

Затѣмъ исчисляются эти дѣла.

Здѣсь, такъ же какъ и въ «Челобитной» Фонъ-Визина, за-
дѣтъ князь Вяземскій:

«Иль можетъ-быть тебя невѣжды увѣряютъ,
Что люди дѣльные стиховъ не сочиняютъ,
Что люди съ разумомъ не любятъ ихъ читать
И, словомъ, что стихи постыдно сочинять.
Невѣжды обо всемъ такъ мыслятъ справедливо,
Какъ мнѣніе слѣпцовъ о краскахъ есть нелживо.
О стихотворствѣ мысль оттуда ихъ идетъ,
Гдѣ въ вѣчной мрачности невѣжество живетъ».

За этимъ слѣдуетъ «замѣчательное по поэтическому пред-
ставленію предмета» ¹ описаніе храма Невѣжества.

Въ заключеніе Козодавлевъ говоритъ:

«Не слушай ты невѣждъ, возьмись опять за лиру:
.....
Младой и слабый стихъ того не изъяснить,

¹ Н. Добролюбовъ въ статьѣ о *Собесѣдникѣ*, *Соврем.* 1856, сент., стр. 56.

Какимъ усердіемъ мой духъ во мнѣ горитъ,
А ты, драгой мурза, такъ славись стихами,
Что Музы, кажется, ихъ сочиняли сами».

Наконецъ и Ермилъ Костровъ въ томъ же тонѣ обратился къ автору *Фелицы*.

Кромѣ того, о Державинѣ упоминалось мимоходомъ и въ другихъ стихотвореніяхъ. Такъ въ посланіи: *Къ другу моему* (кн. VII, 40) говорилось:

«Мурза въ стихахъ своихъ къ Фелицѣ
Одну лишь истину писалъ:
Не льстя премудрой сей царицѣ,
Что сдѣлала она, сказалъ —
И звуки правды раздалися,
И нѣжны слезы полилися
У всѣхъ изъ радостныхъ очей»...

Въ «письмѣ» къ Ломоносову (кн. XIII, 170) Козодавлевъ, который въ то время, по порученію Дашковой, печаталъ его сочиненія, рассказываетъ великому человѣку, что дѣлается на Руси послѣ него, при чемъ, разумѣется, главная цѣль опять — восхвалить Екатерину. Потомъ указывается мѣсто, которое займетъ Державинъ въ области нашей поэзіи:

«Изъ новыхъ здѣсь творцовъ, послѣдователь твой,
Любимецъ Музъ и другъ нелицемѣрный мой,
Россійской восхитясь премудрою царицей,
Назвавъ себя мурзой, ее назвавъ Фелицей,
На верхъ Парнасса намъ путь новый проложилъ,
Великія дѣла достойно восхвалилъ;
Но онъ къ несчастію работаетъ лѣниво.
Я самъ къ нему писалъ стихами такъ учтиво,
Что кажется, нельзя на то не отвѣчать,
Но и теперь еще изволить онъ молчать.»

Впрочемъ, мы уже видѣли, что Державинъ не избѣгъ и нѣ-

которыхъ нападокъ со стороны тѣхъ критиковъ, которые рѣшились воспользоваться приглашеніемъ издателей *Собесѣдника* къ сообщенію своихъ замѣчаній на то, что помѣщалось въ журналѣ. Сначала Любословъ, а потомъ кто-то назвавшій себя *Невѣждою*, указали въ *Фелицѣ* на нѣкоторыя, по мнѣнію ихъ, неудачныя выраженія. Замѣчанія послѣдняго были обстоятельнѣе и серіознѣе поправокъ перваго (см. въ нашемъ изданіи I, 136, и VII, 506), но поэтъ сумѣлъ отразить нападеніе: Добролюбовъ замѣчаетъ, что «опроверженія Державина оставили автора критики совершенно въ дуракахъ»¹.

Послѣ оды къ Фелицѣ первымъ новымъ стихотвореніемъ Державина въ *Собесѣдникѣ* была *Благодарность Фелицѣ*, замѣчательная поэтическими картинами природы. Здѣсь онъ какъ будто отвѣчаетъ тѣмъ, которые упрекали его, зачѣмъ онъ не продолжаетъ писать въ похвалу Екатерины. Любопытенъ взглядъ самого Державина на новую его оду. «Авторъ думаетъ», говоритъ онъ, «что не первая ли она въ російской поэзіи, гдѣ натура не токмо въ картинахъ, но и въ ея колоритахъ изображена, какъ то: бѣлый ковыль, подобный льну пушистому, колеблется въ степяхъ и волнуется какъ море; небо въ жаркій день блещетъ подобно янтарию; вьются попутнымъ вѣтромъ флаги и за кораблемъ протягается серебряная гряда и т. п. Что же касается до того изложенія, гдѣ авторъ говоритъ: «когда отъ бремя дѣль случится свободный часъ имѣть, тогда онъ будетъ воспѣвать свою героиню»², сіе относится единственно къ тому, что князь Вяземскій почиталъ лѣнивыми и неспособными заниматься своею должностію тѣхъ, кои упражнялись въ поэзіи, въ чемъ отъ него даже императрица предубѣждена была, ибо хотя любила авторство, но не писала и не могла писать стиховъ. А потому-то авторъ, служа въ статской службѣ, употребилъ всѣ свои усилія въ доказательство, что несправедливо такое заключеніе: ибо, имѣя истинныя способности, можно въ томъ и другомъ предуспѣть, если кто только захочетъ пожертвовать симъ трудомъ, и

¹ *Соврем.* 1856 г., сент., стр. 49.

² I, 155.

напротивъ, кажется, голова поэта болѣе удобна на изобрѣтеніе какихъ-либо новыхъ постановленій»¹.

Но гораздо болѣе значенія имѣла другая ода, написанная Державинымъ съ цѣлью выразить государынѣ свою благодарность и вмѣстѣ отвѣтить на толки, которые распространяли о немъ люди, имъ задѣтые въ *Фелицъ*, и вообще его недоброжелатели или завистники. Выше (стр. 299) было уже замѣчено, что онъ удостоился чести быть представленнымъ императрицѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой минуты онъ тогда же набросалъ нѣсколько стиховъ, но отказался отъ продолженія ихъ, и 9-го мая началъ свое *Видѣніе мурзы*. Для характеристики тогдашняго настроенія поэта и взгляда его на собственное свое отношеніе къ Екатеринѣ и къ обществу, драгоценнѣе сохранившійся въ его бумагахъ первоначальный эскизъ этой оды, написанный имъ, сперва стихами, а потомъ прозой, въ сильномъ увлеченіи. Здѣсь онъ особенно оправдывается отъ упрека въ лести. Повидимому до Державина дошло, что его передъ самою государыней обвиняли въ неискренности похвалъ. Екатерина, явившись передъ нимъ въ томъ самомъ образѣ, въ какомъ она представлена на знаменитой картинѣ Левицкаго, говоритъ ему между-прочимъ:

«Когда

Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ — боговъ лишь къ чести
И къ поученію ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, — не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредить не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?»...

Для полного уразумѣнія этой оды необходимо припомнить сказанное выше (стр. 298) о слухахъ, доходившихъ до автора относи-

¹ Тетрадь 1805 г.